

Темный заклинатель знал, что ему требуется поесть, хотя и не чувствовал голода. Из-за того, что сознание путалось, он с трудом мог определить, сколько прошло времени – он не мог даже вспомнить, когда ел в последний раз.

Лишь одно он знал точно, то, в каком направлении двигаться. Просыпаясь среди ночи от жара, первым делом заклинатель вспоминал, куда ему нужно идти. Иногда Е Юнь не мог вспомнить, зачем ему туда нужно, но он так боялся забыть направление, что оно впечаталось в его память намертво.

Новый рассвет был мутным и сумрачным, однако ветра не было и холод немного отступил. Снег еще падал с неба, но почти тут же таял. Дикая пуща по бокам от дороги стояла тихая, кругом не было ни следа жизни.

По пути заклинателю встретила оставленная деревня. В нескольких домах ему удалось найти мешки с рисом, но это наводило лишь на еще более мрачные мысли. Раз еду никто не взял, вряд ли жители просто ушли. А раз так, где то, что их прогнало и не встретит ли он это в дороге?

И все же он задержался, чтобы вскипятить воду и поесть. Вкуса Е Юнь не чувствовал, и было очень тревожно сидеть вот так, посреди опустошенной деревни, в полной тишине.

Темному заклинателю попеременно то легчало, то становилось хуже, но чем больше времени проходило, тем сильнее чаша весов склонялась ко второму. Нужно было спешить. И он двинулся дальше, замечая, что холод и боль притупляются. Все ощущения будто отступили. Е Юнь погрузился в транс, и никакие мысли не тревожили его. Когда в глазах потемнело, он, наконец, остановился.

А затем земля ринулась навстречу, но удара он уже не почувствовал.

«Я не хочу, чтобы он пострадал», - вот, что сказал ему темный заклинатель. Но как бы он ни был силен, что толку, если у Инцзы Яна не хватает духу применить эту силу? Он вечно колебался. Колебался, пока для остальных его учеников не стало слишком поздно. Если бы он сразу решился, ничего бы этого не случилось.

И все же глупые слова заклинателя заставили Хэй Шаньдина ощутить неожиданный укол зависти. Этот простой страх за своего ученика заставил его вспомнить обо всем, что он сам потерял. Каково это, ощущать такую привязанность?

Чувствами, которые направляли его жизнь, были голод и любопытство. Голод мучил всех демонов, и лишь светлая энергия могла ненадолго заполнить бездонную дыру, которую он из себя представлял. Но любопытство было чертой, унаследованной из его прошлой жизни. Хэй Шаньдину недостаточно было просто утолить голод. Он наблюдал за людьми, давил на них и

смотрел, что из этого выйдет.

И теперь его интересовало, что произойдет дальше. Демон не мог двигаться за заклинателями по следам – даже если они поднялись в воздух ненадолго, найти следующее место остановки будет почти невозможно. Так что ему оставалось лишь положиться на страх темного заклинателя и идти туда, где тот больше всего боялся обнаружить своего ученика. В Шэн Ху.

При мысли об этом язык сам собой скользнул по зубам. Хэй Шаньдин живо представил картину, в которой разрывает беспомощных заклинателей на куски. Это было бы увлекательно, и он смог бы вдоволь попировать. Он с лихвой восстановит энергию, истраченную на регенерацию. Но все же это напрасный риск. Хотя светлые заклинатели в последние годы были просто искустельно-беспечны, даже ему не тягаться со всей Шэн Ху. Остается затаиться и подождать, что произойдет. Хэй Шаньдина это тоже вполне устраивало.

Что-то холодное легло ему на лоб. Прикосновение прогнало боль. Е Юнь попытался приоткрыть глаза, но в них плыло так сильно, что он видел одни смутные пятна. На фоне теплого приглушенного света маячила фигура, но ее очертания были размыты.

Е Юнь тревожно завозился, не понимая, что происходит. Он не мог вспомнить, что последнее с ним произошло. Где он? Он заболел?

Кто-то мягко дотронулся до его волос, и Е Юнь успокоился. Это учитель. В его горячечном разуме возникло воспоминание: он падает в ледяное озеро, не удержав равновесие во время одной из тренировок. На мгновение ему стало стыдно за свою неуклюжесть. И все же это воспоминание казалось таким далеким... Сколько времени прошло?

Глаза горели и слезились даже за закрытыми веками. Он не должен плакать. Но ему было так плохо... Почему ему было так плохо?

Но сейчас он в безопасности. Учитель позаботится о нем. И Е Юнь уснул, обессиленный, ощущая чье-то успокаивающее присутствие рядом.

В следующий раз он проснулся в холодном предутреннем сумраке. Монотонный шум оказался шелестом дождя, бившим по крыше. Темный заклинатель лежал на мягкой постели, в голове царил пустота. Тело ныло, а еще он ощущал невероятную слабость. Сколько же он так пролежал?

А потом память вернулась к нему и Е Юнь от всей души пожалел, что проснулся. Нет... Это не могло быть правдой. Не могло. Неожиданное осознание резануло его так же больно, как и в первый раз. Заклинатель прекратил попытки подняться и обмяк.

- Очнулся?

Е Юнь поднял глаза на Лэй Цзи, которая неожиданно оказалась рядом. Кажется, она была здесь все время, потому что он не слышал, как заклинательница вошла. Он кивнул, не доверяя саднящему чувству в горле.

Он был рад ее видеть, но ничего не мог поделать с глубоким безотчетным разочарованием. Лицо Лэй Цзи, обезображенное шрамами, вновь напомнило ему о том, в какой реальности он находится.

- Ты несколько раз приходил в себя, - поделилась она, садясь рядом, - но все время бредил. Что последнее ты можешь вспомнить?

Лицо Е Юня исказилось от боли, но первое пришедшее ему на ум воспоминание не было последним. Просто самым ярким. Оно отпечаталось в его разуме, точно ожог.

- Я пытался дойти до гор, - с трудом выговорил Е Юнь, - А потом потерял сознание. Сколько я уже здесь?

- Четыре дня.

Темный заклинатель даже не удивился. Стоило ли удивляться тому, что он выпал из реальности на самый долгий в своей жизни срок, когда сама его болезнь была невероятной? И все же разумом он понимал, что это ненормально. Так не должно было быть.

- Как ты себя чувствуешь?

- Будто умираю, - пробормотал Е Юнь.

Пологий склон, шелестя травой, спускался к песчаной косе. Черный пепел переходил в черный же песок, казалось, из природы здесь вымыло все краски.

Остовы строений, точно кости мертвых китов, замели пеплом ветра. Это место казалось застывшим во времени: черные валы обсидиана так и остались над обломками его ордена мрачным предзнаменованием.

Здесь было красиво – даже сейчас, когда храм лежал в руинах.

От былых построек Цянь У остался лишь храм предков, стоявший в отдалении. Инцзы Ян

пересек застывшие потеки лавы и плато. Все кругом вызывало в нем тоску и бессильную злость; он-то рассчитывал, что они с учеником вернутся сюда вместе.

Инцзы Ян вновь восстановил в памяти их последнюю встречу. Е Юнь представлял собой душераздирающее зрелище, он смотрел на него с таким выражением, что душа переворачивалась. Инцзы Яну потребовалось усилие воли, чтобы подавить в себе жалость.

Он был все еще нужен ему, как и тогда, в детстве. Было так много вещей, о которых его ученик понятия не имел! Ни один заклинатель не сумеет научиться всему за какое-то десятилетие у мастера, который оттачивал свои навыки сотни лет.

В случае Е Юня все было еще сложнее. Каким-то невероятным образом он все время рисковал причинить вред самому себе; а хуже всего было то, каким он был тонкокожим.

Но Инцзы Ян знал, на что шел, когда произнес те слова. Он устал от его бесконечных проблем, устал от постоянного страха за Е Юня. Неважно, как ему плохо. По крайней мере, теперь он будет в безопасности – хочет того или нет.

Передача темной энергии не дала никакого эффекта, и теперь оставалось лишь надеяться, что он выкарабкается. Лэй Цзи могла только смотреть, как Е Юнь мучается, не в силах помочь.

Темные заклинатели всегда внимательно следили за подступами к своему убежищу, и Лэй Цзи не поверила своим глазам, когда Е Юня принесли к ней. Похудевшего. Замерзшего. И мечущегося в бреду вместо того, чтобы стоять прямо и настороженно.

Лэй Цзи не думала, что видеть его в таком состоянии окажется настолько больно. Перед ней умирало их будущее – первый темный заклинатель, рожденный за многие годы, первый темный заклинатель, не питавший ненависти, отравлявшей их всех. Он был единственным, что осталось от них в этом новом мире, лишенный мрачного прошлого, которое отнимало волю к жизни.

Как он мог умереть сейчас? Он должен был прожить столетия, восстанавливая и сохраняя то, чего они лишились. Но Е Юнь сумел добраться до них. Он будет жить. Что же с ним произошло? Она надеялась, что заклинатель расскажет об этом сам.

Ее уверенность держалась долго, но к концу третьего дня начала таять. Е Юнь открыл глаза, когда она уже почти этого не ждала. Он был чудовищно слаб, но находился в своем уме... Пусть и выглядел так, будто пережил нечто ужасное.

- Признаться, я не думала, что мы встретимся так скоро, - произнесла она. Е Юнь сидел на крыльце, привалившись к деревянному столбику. Он настоял на том, чтобы выйти наружу,

даже если ноги под ним подкашивались. Ледяной дождь шуршал по крыше. Запахи мокрого дерева и свежести витали кругом, создавая удивительное чувство безопасности.

- Простите за это, - Е Юнь поморщился, его голос был полон сожаления, - мне больше некуда было идти, я не знал, что делать.

- Не извиняйся, - она опустилась на влажные доски, обеспокоенно заглядывая в лицо мальчику.
- Что произошло? Неужели... неужели твоя тайна была раскрыта? На тебя напали?

Его смешок звучал безрадостно.

- Мне пришлось выдать себя. Но это неважно - сейчас у заклинателей есть более важные проблемы. Мой учитель...

Горло перехватило, и Е Юнь отвернулся, не в силах с собой совладать. Лэй Цзи опустила ладонь на вздрагивающую спину, даже через ткань ощущая выступающие лопатки. Она приговаривала что-то успокаивающее - так могла бы утешать мать.

Лэй Цзи всегда приносила с собой спокойствие, и все же прошло немало времени, прежде чем Е Юнь сумел вымолвить хоть слово. Но ему нужно было растревожить эту рану, коснуться ее и проверить, что болит уже не так сильно, как раньше. Оказалось, болело. Еще как.

Он всегда был для Инцзы Яна бременем, всегда - и остро это чувствовал. Теперь у учителя было полное право оставить его на произвол судьбы. Е Юнь не смог оправдать его надежд, не смог стать таким, каким хотел видеть его учитель. Он был сплошным разочарованием.

Дослушав Е Юня, Лэй Цзи долго молчала. А, затем, все еще глубоко оставаясь в своих мыслях, произнесла:

- Я надеялась, раз он сумел приспособиться и начать новую жизнь, то все позади. Я ошиблась.

Она тут же пожалела о своих словах. Е Юнь сжался, как будто его ударили.

- Я тоже, - выдавил он, - Я не знаю, что должен был сделать-

- Это не твоя вина, - прервала его Лэй Цзи. Е Юнь не должен думать, будто у него была сила все исправить, - Твой учитель пережил то, что ранило его сильнее, чем я боялась. Ты никак не смог этого изменить, что бы ни сделал.

Но глубина вины, которую чувствовал Е Юнь, была слишком всеобъемлющей для того, чтобы с ней бороться. Он слышал слова Лэй Цзи, понимал, что это правда, но не мог в нее поверить. Может, если бы он был лучше, ничего бы не случилось. В конце концов, он ослушался Инцзы

Яна. Значит ли это, что он никогда не старался достаточно?

Подчинение старшим адептам, а в особенности учителю, было неотъемлемой частью жизни любого заклинателя. Учитель был богом. Ему не нужно было быть добрым, справедливым или понимающим, его требовалось слушать, не задавая вопросов, и стремиться хотя бы отчасти познать его мудрость.

Связи с родителями рвутся слишком легко, когда ребенок в состоянии пережить их на много столетий. Но учитель – тот, кто останется рядом на протяжении всего этого времени, тот, кто укажет, что правильно, а что – нет, и только взрослый человек должен определять, куда можно направить разрушительную силу юного заклинателя. А Е Юнь совершил нечто ужасное, поправ все это. Он заслуживал всего, что с ним случилось.

- Я не знаю, что теперь делать, - безжизненно сказал заклинатель.

И Лэй Цзи ничем не могла ему помочь. Она собрала немногих выживших людей и увела их подальше от всего мира, защищая, но иногда она все-таки жалела... О чем? О том, что не пыталась восстановить справедливость в том кошмарном виде, в котором видел ее Инцзы Ян? Или о том, что все эти годы смела думать, будто может держаться в стороне?

Однажды лишившись всех своих воспитанников, Инцзы Ян не мог допустить даже мысли о повторении подобного, но Лэй Цзи не догадывалась о масштабах его исступления. Она-то думала, жизнь среди заклинателей Шэ Шань умиротворит его, вернет давно потерянное. Так и вышло. И теперь, во имя безопасности того, что ему дорого, Инцзы Ян сам готов был совершить ужасы, от которых стремился защититься.

<http://tl.rulate.ru/book/46940/2924021>